

сектора животноводства райзо. В секторе животноводства помимо заведующего, который также являлся заместителем заведующего райзо, работали старший зоотехник, старший ветврач, зоотехник по коню, участковые зоотехники и ветеринарные врачи. Непосредственное зоотехническое обслуживание колхозов возлагалось на подрайонные зоотехнические участки (так называемая кустовая сеть), за каждым из них закреплялось несколько хозяйств. Штат зоотехнических участков комплектовался из зоотехников и техников-животноводов.

2 ноября 1933 г. СНК СССР принял постановление «Об организации ветеринарного дела»¹², в котором предлагалось в сжатые сроки восстановить и укрепить «в системе земельных органов ветеринарную участковую сеть». «Для наблюдения и контроля за выполнением ветеринарно-санитарных требований и за работой ветеринарного персонала» в штаты райзо вводилась должность ветеринарных инспекторов. Помимо обслуживания колхозов, ветучастки обязывались оказывать платные услуги индивидуальным владельцам скота. Наряду с воссозданием участковой сети земельных органов сохранялась ведомственная ветслужба, обслуживавшая крупные совхозы и их тресты, мясокомбинаты и боенские предприятия, железнодорожный транспорт.

Для полного и комплексного охвата ветеринарным и зоотехническим обслуживанием колхозных животноводческих ферм 9 марта 1940 г. Экономсовет при СНК СССР принял решение об объединении ветеринарных участков и пунктов с зоотехническими участками в единую зооветеринарную сеть. 29 марта 1940 г. приказом Наркомзема СССР был определен порядок создания единой зооветеринарной сети. Этим

приказом на ветеринарных работников, кроме обязанностей по ветеринарии, возлагалась большая организаторская и зоотехническая работа, так как заведующими зооветучастками и зооветпунктами в абсолютном большинстве являлись ветеринарные специалисты¹³. Однако полностью укомплектовать зооветеринарную сеть квалифицированными кадрами и оснастить ее необходимым оборудованием до начала Великой Отечественной войны не удалось.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории. Новосибирск, 2008.
2. Николаев А.А. Основные виды кооперации в России: историко-теоретический очерк. Новосибирск, 2007.
3. Ильиных В.А. Реорганизация системы сельскохозяйственной кооперации в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Кооперация Сибири: проблемы истории, экономики и социальных отношений. Новосибирск, 2009. Вып. 6. С. 90.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4.
5. Коржихина Т.П. Советское государство и его учреждения: ноябрь 1917 г. – декабрь 1991 г. М., 1995.
6. Ильиных В.А. Налогово-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920-х – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004.
7. Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. 1.
8. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: документы и материалы: в 5 т. 1927–1939. М., 2001. Т. 3: Конец 1930 – 1933. М., 2001.
9. Минеева Т.И. История ветеринарии. СПб., 2005.

Статья поступила
в редакцию 15.11.2012

УДК 94(47).084.9

Д.С. ОРЛОВ

ПЛАНИРОВАНИЕ ПРОИЗВОДСТВА И ЗАКУПОК СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В КОЛХОЗАХ И СОВХОЗАХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-х гг.

канд. ист. наук,
Алтайская государственная академия образования
им. В.М. Шукшина
e-mail: orlovd2010@mail.ru

В статье анализируются слабо исследованные проблемы аграрно-экономической истории СССР второй половины 1960-х – первой половины 1980-х гг., связанные с попытками государства повысить производительность колхозов и совхозов посредством ограничения директивного диктата в сфере планирования производства и заготовок их продукции. Используя материалы по Западной Сибири, автор обосновывает тезис о том, что действие механизмов экономического стимулирования сельхозпроизводства во второй половине 1960-х гг. способствовало его подъему, а усиление административного прессинга на хозяйства в начале 1970-х гг. обусловило последующее снижение темпов развития отрасли.

Ключевые слова: сельское хозяйство, аграрная политика, колхозы, совхозы, сельскохозяйственное планирование, закупки, Западная Сибирь.

¹² Там же. 1933. № 65. Ст. 391.

¹³ ГАНО. Ф. Р-1020. Оп. 2. Д. 87. Л. 61.

Необходимость изучения заявленной темы обусловлена желанием дать объективную оценку опыту хозяйствования в СССР, выявить сильные и слабые стороны советского экономического строя. Директивное планирование являлось его важнейшей составляющей, основой мобилизационной экономики. Во второй половине 1960-х гг. в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств верховное руководство страны приняло меры по ограничению директивного начала в управлении народным хозяйством, сделав ставку на механизмы экономического стимулирования производства. Особый интерес представляет опыт их использования в аграрном секторе, предприятия которого получили больше свободы в сфере планирования производства и заготовок и дополнительное финансирование. Проблемы воплощения в жизнь новых принципов определения сельскохозяйственных планов в рассматриваемый период к настоящему времени еще не стали предметом специального научного анализа, а рассматриваются в рамках исследования других, как правило, более крупных аграрно-исторических тем. В настоящей статье мы попытаемся проанализировать заявленную проблему на примере хозяйств Западной Сибири – крупного аграрно-региона страны.

Пришедшие к власти после отставки Н.С. Хрущева партийно-государственные функционеры при выборе путей развития сельского хозяйства в целом придерживались принципов аграрной политики, определенных в партийно-правительственных решениях, которые были приняты по инициативе Н.С. Хрущева в 1963–1964 гг. В постановлении мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС «О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства» [1, с. 426–429] отмечалось, что главной задачей партийных, государственных и хозяйственных органов должна стать повседневная забота о людях, о развитии экономики колхозов и совхозов, об увеличении производства сельхозпродуктов, удешевлении их себестоимости и обеспечении рентабельности всех отраслей производства. Оспуждалась практика вмешательства в дела сельхозпредприятий, когда им давались многочисленные шаблонные указания по агротехнике, содержанию скота, по структуре посевных площадей и другим вопросам. В соответствии с постановлением до хозяйств должен был доводиться пятилетний план государственных закупок сельхозпродукции по твердым экономически обоснованным ценам. Сверхплановые заготовки можно было осуществлять только при согласии колхозов и совхозов и по повышенной закупочной цене.

Директивный диктат в руководстве сельским хозяйством критиковали и региональные партийно-государственные функционеры. Так, 15 июня 1965 г. на втором пленуме Тюменского обкома КПСС его секретарь П.С. Чиков отметил, что главная причина предыдущих неудач лежала в нарушении экономических законов расширенного социалистического воспроизводства, принципа сочетания личных и общественных интересов, материальной заинтересованности. В практике руководства последних лет, по его мнению, все более брали верх директивы чисто волевого характера, особенно в области планирования, ценообразования, финансирования и кредитования. Провозглашалось, что партия на новом этапе делает ставку на

использование экономических рычагов производства, строгое соблюдение ленинских принципов хозяйствования¹.

Реализация установок мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС в первые годы имела значительный эффект. Например, с 1965 по 1966 г. колхозы и совхозы Кожевниковского района Томской области получили дополнительный доход в 7,4 млн руб. В 1967 г. прибыль сельского хозяйства Новосибирской области впервые в истории региона достигла 100 млн руб. В 1965 г. сельхозпредприятия Омской области за сданную сверх плана животноводческую продукцию выручили дополнительно 31,3 млн руб. В Шипуновском районе Алтайского края за каждый год восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) было выпущено продукции сельского хозяйства на 28,6 млн руб., или на 51,8 % больше, чем в седьмой пятилетке (1961–1965 гг.). В колхозах и совхозах Кемеровской области в 1966–1968 гг. среднегодовой объем производства зерна был выше показателей 1961–1965 гг. на 80 %, молока – на 45 %, мяса – на 32 %, яиц – почти в 2,5 раза. Уровень рентабельности всех видов сельхозпродукции повысился в области до 32 %².

Однако ориентация на уменьшение количества директивных установок сразу же вошла в противоречие с практикой, так как областные и районные партийные организации, а также хозяйственные органы в интересах оперативного управления объективно нуждались в наличии десятков дополнительных показателей, обязательных к исполнению. Система стимулирования продажи дополнительной продукции государству уже к концу восьмой пятилетки трансформировалась в политику планирования сверхплановых заготовок. Реальная хозяйственная практика приводила к возникновению многочисленных противоречий. Хозяйства, желая сдавать больше сельхозпродукции сверх плана по повышенным ценам, старались занизить свои производственные возможности и получить минимальное плановое задание. Партийные и хозяйственные органы, зная об этом, стремились навязать им максимальный объем заготовок. Например, на бюро Тюменского обкома КПСС 16 марта 1966 г. рассматривался вопрос «О работе Ишимского райкома КПСС по выполнению постановления мартовского (1965 г.) пленума ЦК КПСС»³. По итогам обсуждения руководство района подверглось критике за то, что производство отдельных сельхозпродуктов на 1967 г. было спланировано ниже фактического уровня, достигнутого в 1966 г. 3 июля 1965 г. на третьем пленуме Кожевниковского райкома КПСС его первый секретарь Ф.М. Плотнок сделал колхозам района похожие замечания. Председателю и правлению колхоза «Сибирь» он ставил в вину то, что вместо увеличения в хозяйстве объемов производства и продажи государству сельхозпродукции к 1970 г. было запланировано их снижение по отдельным видам⁴.

¹ Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО). Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 12.

² Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 252. Оп. 3. Д. 33. Л. 44, 47; ГАНО. Ф. П-4. Оп. 33. Д. 3036. Л. 17, 24.; Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 17. Оп. 1А. Д. 98. Л. 53; Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 121. Д. 169. Л. 5–7; Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 10. Д. 272. Л. 3–30.

³ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4643. Л. 10–20.

⁴ ЦДНИТО. Ф. 252. Оп. 3. Д. 3. Л. 47–48.

Глава Кемеровской областной парторганизации А.Ф. Ештокин, выступая на четвертом пленуме обкома 28 октября 1968 г., отмечал, что мартовский (1965 г.) пленум ЦК КПСС считал необходимым сохранить на предстоящее пятилетие принцип твердых планов заготовок сельскохозяйственных продуктов. Однако, по мнению руководителя области, это совсем не означало, что уровень производства продукции должен был планироваться без учета достигнутых результатов и имеющихся резервов. При разработке планов на 1969 г. руководители Беловского районного управления сельского хозяйства предусмотрели сокращение поголовья крупного рогатого скота на 6 тыс. голов, в том числе на 500 коров, свиней – на 3,5 тыс. голов, и снижение производства молока на 10 т против фактического уровня 1967 г., за что и подверглись критике. Подобные замечания получило руководство совхоза «Краснинский» Промышленновского района, которое запланировано сократить надой молока на 500 кг на каждую корову [2, с. 33, 34].

Первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б.Е. Щербина, выступая на двенадцатой областной партийной конференции 24 февраля 1966 г., сделал замечания руководителям ряда районов области, которые запланировали сокращение посевов зерновых культур и льна, что поставило под угрозу выполнение государственного заказа. До сведения райкомов и руководителей хозяйств была доведена мысль о том, что устанавливая твердые планы продажи сельхозпродуктов, государство рассчитывает еще и на их значительные сверхплановые закупки. На втором пленуме Тюменского обкома партии 30 ноября 1966 г. отмечалось, что в некоторых колхозах и совхозах области планируемый объем выпуска сельхозпродукции оказался меньше объемов госзаказа. Руководство ряда сельхозпредприятий было раскритиковано за то, что намечало уровень производства в размерах, обеспечивающих выполнение только твердых планов, и забывало о том, что мартовский пленум ЦК КПСС 1965 г. поставил задачу закупать как можно больше сверхплановой продукции⁵.

До хозяйств по-прежнему доводились планы по производству изначально нерентабельной сельхозпродукции. Так, руководство совхоза «Лебяжий» Болотнинского района Новосибирской области в соответствии с решениями мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г. пыталось самостоятельно планировать структуру посевных площадей с учетом выполнения плановых заданий. С 1967 г. рожь, выращивавшаяся в хозяйстве, была заменена пшеницей из-за особенностей рельефа и климатических условий. Однако в 1968 г. районные власти довели до совхоза задание засеять 500 га ржи и тем самым заложили в его финансово-хозяйственный план убытки в 15–20 тыс. руб.⁶

По поводу устанавливаемых государственных заданий зачастую возникали разногласия между районными и региональными органами власти, между отдельными колхозами, совхозами и районными управлениями сельского хозяйства. Так, в Тюменской области первый секретарь Ялуторовского горкома КПСС Пахотин, выступая 15 июня 1965 г. на втором пленуме Тюменского обкома КПСС, не согласился с доведенным району заданием по производству льна и зерновых

культур, мотивировав свою позицию тем, что его район находится в зоне молочно-консервного комбината и имеет молочно-мясное направление. В связи с этим он просил областные органы власти подойти к этому вопросу более внимательно, т.е. в сторону уменьшения заготовок зерна. Поступила также просьба снизить план производства льна⁷.

В Томской области в 1966 г. возник конфликт между руководством совхоза «Шегарский» Шегарского района и районным управлением сельского хозяйства. В 1965 г. коллектив совхоза разработал пятилетний план развития хозяйства. Однако вскоре после введения доплат за сдачу сверхплановой продукции директор совхоза представил в сельхозуправление план на 1966 г., в котором значительно уменьшил объем производства мяса и молока. Областное сельхозуправление поправило директора, не приняв его новый план. В ответ на это руководство совхоза отправило письмо в ЦК КПСС, в котором обвинило районное и областное управления сельского хозяйства в нарушении указаний ЦК КПСС о предоставлении самостоятельности руководителям хозяйств в планировании, в навязывании плана сверху, мотивируя это тем, что подобная ситуация может обречь совхоз на затруднительное финансовое положение, лишить работников животноводства материальной заинтересованности и т.п. На третьем пленуме Томского обкома КПСС 5 июля 1966 г. председатель облисполкома Васильев подверг критике действия директора. Кроме того, Шегарскому райкому КПСС и райисполкому было предложено дать должную политическую оценку поведению руководства совхоза⁸.

На одиннадцатом пленуме Омского обкома КПСС 6 октября 1970 г. возникли значительные разногласия по поводу показателей плана на девятую пятилетку (1971–1975 гг.). Ими оказался недоволен первый секретарь Нижнеомского райкома КПСС. Так, задание по зерну для района исходило из урожайности в 16,4 ц/га, хотя за предыдущие 10 лет здесь не собиралось больше 6,7 ц/га. План по молоку, по его мнению, также трудно было выполнить, так как он предполагал увеличение поголовья коров на 1,5 тыс. голов, но дополнительных капиталовложений для этого не выделялось. Плановое задание по закупкам яиц составило 1,9 млн шт., но при этом задание 1970 г. – всего 200 тыс. шт. Птицефермы в Нижнеомском районе располагались в непригодных помещениях, не было ни одного предприятия системы «Птицепром». В девятой пятилетке строительство птицефабрики здесь не предусматривалось, поэтому десятикратное увеличение плана представлялось абсолютным нереальным для выполнения. О необоснованном завышении плановых норм высказались также первые секретари Одесского, Горьковского, Полтавского и Называевского райкомов КПСС⁹.

В годы восьмой пятилетки административный нажим не был столь сильным, и плановые нормы по запросам отдельных хозяйств и регионов могли быть пересмотрены. Так, в 1966 г. Кемеровский обком партии просил верховное руководство снизить план по продаже государству яиц. Необходимость этого обосновывалась тем, что при определении задания центральные органы руководствовались плановыми

⁵ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4626. Л. 69; Д. 4633. Л. 22.

⁶ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 68. Д. 91. Л. 12–15.

⁷ ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4506. Л. 70.

⁸ ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 3519. Л. 97–101.

⁹ ГИАОО. Ф. 17. Оп. 1А. Д. 860. Л. 31–58.

показателями строительства птицефабрик в регионе. Программа их возведения не была реализована, поэтому просьбу руководства Кемеровской области удовлетворили¹⁰.

Однако с начала 1970-х гг. давление на непосредственных сельхозпроизводителей со стороны областных и районных властей усилилось. Переломным стал именно 1970 г., когда появилось постановление Секретариата ЦК КПСС «Записка сельхозотдела ЦК КПСС о серьезных недостатках в планировании производства и закупок сельхозпродуктов на пятилетие в совхозах и колхозах ряда республик, краев, областей». В ней критиковались власти регионов, которые запланировали продать государству чрезмерно мало сверхплановой продукции. Так, руководству Омской области ставилось в вину то, что при составлении плана на девятую пятилетку оно решило сдать сверх нормы только 3,8 % мяса, 0,9 % молока и 2,8 % яиц. После рассмотрения вопроса на бюро обкома КПСС для области были установлены новые показатели сверхплановых закупок животноводческой продукции. В 1971 г. ей следовало продать дополнительно 11,4 % мяса (18 тыс. т), 4,9 % молока (40 тыс. т), 12,2 % яиц (22 млн шт.), 9,6 % шерсти (307 т), в 1972 г. – соответственно 8,2, 9,1, 8,6 и 12,3 %. Бюро Тюменского обкома КПСС своим решением от 26 декабря 1973 г. утвердило повышение плана закупок мяса на 2 тыс. т, шерсти – на 300 ц, яиц – на 15 млн шт.

Для Кемеровской области задания по продаже мяса в девятой пятилетке увеличили по сравнению с показателями восьмой на 70 %, молока – на 37, яиц – на 200 %. Причем плановые нормы девятой пятилетки для этого региона сразу же после принятия были повышены для 18 хозяйств по продаже зерна, для 10 – по молоку, для 6 – по мясу. В 1973 г. их вновь скорректировали. Объемы государственных закупок зерна увеличились для хозяйств Кемеровской области на 67 %, картофеля – на 5, овощей – на 8, мяса – на 13, яиц – на 29 %¹¹. Практика пересмотра закупочных планов имела место и в последующие годы. Так, на восьмом пленуме Кемеровского обкома КПСС 15 декабря 1975 г. в одностороннем порядке было отмечено, что для колхозов и совхозов продажа государству сельхозпродукции обязательна не только по доведенному до них плану закупок, но и сверх плана. Речь шла о необходимости поставить дополнительно 17 % зерна, 15 % картофеля и 3 % мяса. В Тюменской области руководители нескольких районов при составлении планов на десятую пятилетку (1976–1981 гг.) попросили региональные власти уменьшить для них задания по закупкам зерна. Однако в докладе главы областной парторганизации Г.П. Богомякова на втором пленуме обкома 23 апреля 1976 г. лишь упоминалось об остроте зерновой проблемы в регионе и напряженности планов. Вместе с тем отмечалось, что в области еще имеются резервы для получения высоких урожаев зерновых культур¹².

Абсолютизация планирования во всех сферах экономики, наиболее рельефно проявлявшаяся в 1970-е гг. и приобретавшая характер догматов, начала негативно сказываться на развитии аграрного сектора. Планы составлялись без учета

реальных производственных возможностей. Например, задание по закупкам зерна на одиннадцатую пятилетку (1981–1985 гг.) для Новосибирской области было установлено на уровне 1,5 млн т в год, или 172,5 % к уровню десятой пятилетки. Чтобы выполнить его в полном объеме при существовавшей системе организации производства, необходимо было увеличить капиталовложения в 3,5 раза, поставки удобрений – в 4, сельхозтехники в 2 раза¹³.

Из-за экономической необоснованности и множественности показателей сельскохозяйственные планы не выполнялись, колхозы и совхозы несли убытки. Быстрыми темпами росла себестоимость продукции, государство через систему дотаций и списание долгов не покрывало производственных затрат сельхозпредприятий. Уменьшались объемы выпускаемых ими продуктов. В Новосибирской области рентабельность аграрного производства, составлявшая в начале 1970-х гг. 24,6 % в совхозах и 29,6 % в колхозах, к середине десятилетия значительно снизилась. Совхозный сектор региона в этот период стал убыточным, в колхозном хозяйстве рентабельность уменьшилась до 4,2 % [3, с. 71]. Если в годы восьмой пятилетки прибыль от производственной деятельности предприятий аграрного сектора Томской области достигала 75,5 млн руб., то в десятой пятилетке убыток составил почти 304 млн руб. В Кемеровской области в 1981 г. нерентабельными были 44 % колхозов и 75 % совхозов. В Тюменской области в 1980 г. убытки сельхозпредприятий составляли 68,8 млн руб., в 1981 – 36,3 млн руб. По стране в целом в 1975 г. удельный вес убыточных колхозов и совхозов достигал соответственно 23 и 51 %, в 1978 г. – 53 и 56 %¹⁴. Если в 1975 г. в СССР нерентабельными оказались 5,3 тыс. колхозов из 28,7 тыс. и 8,4 тыс. совхозов из 16,1 тыс., то к 1979 г. численность нерентабельно работающих колхозов только в РСФСР составила 62 % (7472 хозяйства из 11 958)¹⁵.

В связи с хронически убыточной работой сельхозпредприятий многих регионов выручка от реализации продукции и услуг не покрывала их производственных затрат. Хозяйства вынуждены были брать у государства кредиты. В итоге в 1981 г. в совхозах Кемеровской области долгосрочные ссуды составляли 350 млн руб., в колхозах – 290 млн руб. Сельхозартели Тюменской области получили кредиты на сумму 393 млн руб., совхозы – 290 млн руб. Сельхозпредприятия Томской области в 1980 г. имели кредитов на 500 млн руб., более половины этой суммы было просрочено¹⁶.

В начале 1980-х гг. ситуация в сельском хозяйстве стала принимать кризисные формы. Резко снизилась эффективность производства, его фондоотдача, окупаемость применяемых средств, производительность труда, возросла себестоимость продукции. В 1981–1982 гг. объем аграрного производства в Сибири сократился на 6,2 % [4, с. 150–151]. За два года один-

¹³ ГАНО. Ф. П-4. Оп. 34. Д. 1062. Л. 101.

¹⁴ ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 1554. Л. 107–109; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 45. Д. 35. Л. 64–65; Тюменская область в цифрах (1981–1987 гг.): стат. сб. Свердловск, 1987. С. 17; Сельское хозяйство СССР: стат. сб. М., 1988. С. 448, 459.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 40. Д. 44006. Л. 12; ГАРФ. Ф. А-616. Оп. 9. Д. 3873. Л. 103.

¹⁶ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 51. Д. 75. Л. 3–31; Государственный архив Тюменской области (ГАТО). Ф. Р-1495. Оп. 1. Д. 3619 Л. 21; Д. 3585. Л. 6–10; ГАТО. Ф. Р-1390. Оп. 3. Д. 1554. Л. 111.

¹⁰ ГАКО. Ф. П-75. Оп. 10. Д. 11. Л. 20.

¹¹ ИАОО. Ф. 17. Оп. 1А. Д. 1170. Л. 71–82; ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 5996. Л. 14–28; ГАКО. Ф. П-75. Оп. 11. Д. 26. Л. 88; Оп. 12. Д. 2. Л. 33–34; Оп. 26. Д. 102. Л. 6–7.

¹² ГАКО. Ф. П-75. Оп. 28. Д. 32. Л. 12; ГАСПИТО. Ф. П-124. Оп. 1. Д. 4902. Л. 35.

надцатой пятилетки хозяйства страны недопоставили государству 58,4 млн т зерна, 63 млн т сахарной свеклы, 2,6 млн т семян подсолнечника, 3,2 млн т скота и птицы (в живом весе). Чтобы удержать достигнутый уровень снабжения населения продуктами питания и товарами, ЦК КПСС и правительство вынуждены были принимать меры особого порядка. В 1981–1982 гг. импорт зерна, сахара, растительного масла, мяса и молочных продуктов обошелся государству в несколько миллиардов рублей валютных средств.

Обстановка, сложившаяся в сельском хозяйстве СССР к началу 1980-х гг., требовала принятия безотлагательных мер, способных приостановить деградацию аграрного производства. На решение этих задач была направлена разработанная и принятая майским (1982 г.) пленумом ЦК КПСС Продовольственная программа, рассчитанная до 1990 г. Она предусматривала реализацию комплекса мер для повышения материального благосостояния колхозников, расширения масштабов жилищного и культурно-бытового строительства, улучшения медицинского и бытового обслуживания сельского населения. Агропромышленный комплекс был выделен в качестве самостоятельного субъекта планирования и управления, для чего на всех уровнях создавались новые органы управления (агропромышленный комитет при Совете Министров СССР, комиссии по АПК при крайисполкомах и облисполкомах, агропромышленные объединения в районах). Списывались задолженности сельхозпредприятий, было проведено очередное повышение закупочных цен [5, с. 21–61]. Ситуация в аграрном секторе с 1983 г. начала стабилизироваться.

Установление твердого плана производства сельхозпродукции для предприятий, введение доплат за сдачу сверхплановой продукции, повышение закупочных цен, расширение производственной самостоятельности сельхозпредприятий стали результативными мерами, особенно в годы восьмой пятилетки. Среднегодовые темпы роста производства сельхозпродукции во второй половине 1960-х гг. были одними из самых значительных за всю историю советского государства и составляли 4,2 % по стране и 3,9 % по Сибири [6, с. 230–295]. Реальная хозяйственная практика поставила на повестку дня вопрос о предоставлении сельхозпредприятиям большей финансовой и производственной самостоятельности. Однако

абсолютизация плана как механизма регулирования развития аграрного сектора, неэквивалентный характер закупочных цен на сельхозпродукцию, нежелание правящей партии пойти по пути дальнейшей либерализации советской экономики привели в 1970-е гг. к доминированию директивных методов управления сельским хозяйством. Аграрный сектор Западной Сибири к концу десятой пятилетки оказался в сложной финансовой ситуации и отреагировал снижением производства.

Меры по стабилизации ситуации в сфере аграрного производства, принятые в рамках реализации Продовольственной программы и во многом напоминавшие начинания мартовского пленума ЦК КПСС 1965 г., способствовали некоторому улучшению ситуации. К концу рассматриваемого исторического периода система взаимоотношений государства и сельхозпредприятий нуждалась в дальнейшем пересмотре. Попытка синтеза централизованного планово-директивного управления отраслью и самостоятельности сельхозпредприятий не смогла существенно изменить действующий хозяйственный механизм в сельском хозяйстве. Партийный аппарат выступил гарантом соблюдения доктринальных ограничений.

ЛИТЕРАТУРА

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1986. Т. 10 (1961–1965 гг.).
2. Аграрный сектор индустриального Кузбасса в архивных документах (1965–1985 гг.): сб. документов / сост. и науч. ред. Д.С. Орлов. Бийск, 2011.
3. Орлов Д.С., Андреев С.Н. Аграрный сектор Новосибирской области в середине 1950-х – первой половине 1970-х гг. Бийск, 2010.
4. Крестьянство и сельское хозяйство Сибири. 1960–1980-е гг. Новосибирск, 1991.
5. Продовольственная программа СССР: сб. нормативных документов. М., 1985. С. 21–61.
6. Ильных В.А. Сельское хозяйство Сибири в XX веке: поиск модели устойчивого развития // Сибирь: проекты XX в. (начинания и реальность) / Долголюк А.А., Ильных В.А., Ламин В.А. и др. Новосибирск, 2002.

Статья поступила
в редакцию 02.11.2012

Алексеев А.И. Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб: Российская национальная библиотека, 2010. 390 с.

Средневековые религиозные движения – сложное историческое общественное явление. Замечательные исследования этого феномена учеными 60–70-х гг.

XX в. (А.А. Зимин, Я.С. Лурье, Н.А. Казакова, Н.В. Синецкая, Н.И. Клибанов, Б.М. Клосс и др.) стали неоспоримым достоянием отечественной науки. Поисками новых подходов к решению данной проблемы отмечены работы 90-х гг. XX в. – начала XXI в. (Р.Г. Скрынников, А.И. Алексеев, А.И. Плигузов, В.М. Кириллин, Я.Р. Хоуллетт, Н.Н. Лисовой).

Книга А.И. Алексеева во многом систематизирует накопленные, в том числе и зарубежной наукой, знания по вопросам природы религиозных споров, средневековой философии и еретических учений на Руси XV–XVI вв. Полученная картина служит контекстом для анализа сочинений Иосифа Волоцкого, требующего некоторой модификации приемов. «На сегодняшний день, – признается исследователь, – приходится констатировать, что источниковедческая разработка проблем отстает от уровня обобщений, на котором ведутся споры».

Историография вопроса об учении жидовствующих, изложенная в книге А.И. Алексеева, охватывает множество концепций и отражает состояние науки на сегодняшний